

— Это была черная жемчужина диаметром три сантиметра. Говорят, она изначально принадлежала дворцу династии Цин. Мой дед купил её у офицера Альянса восьми держав. Тогда мой отец подарил её моей матери как символ любви, но я, будучи ребёнком, случайно проглотил её во время игры. Конечно, я ничего этого не помню, всё это мне рассказала мама.

— И что? Тебе делали операцию, чтобы её достать? — Цзян Фэн наконец почувствовал, что дело проясняется, и с нетерпением спросил, слегка наклонившись вперёд.

— Нет... — Хэ Цзинлинь беспомощно развёл руками. — Основной компонент жемчужины — карбонат кальция, разве он не растворяется в желудочном соке? Просто съел высококлассную таблетку кальция, вот и всё.

Услышав это, Цзян Фэн замер, его воодушевление мгновенно угасло.

— Кальций... Кальций...

— Да. Но, вероятно, жемчужина была слишком древней, её трогали бесчисленные люди, и на ней остались вирусы. После этого я серьёзно заболел, неделю была высокая температура, кошмары, множество врачей не могли помочь. В конце концов мой дед пригласил знакомого даоса, который провёл ритуал и дал мне бутылку освящённой Coca-Cola. В ту же ночь я выздоровел. А потом вдруг непонятно как научился плавать.

— Ээ...

Цзян Фэн долго сидел в оцепенении, затем глубоко вздохнул и откинулся на спинку кресла.

Это была Жемчужина умирения вод, которую он искал в прошлой жизни! Единственное сокровище, способное нейтрализовать силу Водного Дракона! Неудивительно, что он не мог её найти — получается, Хэ Цзинлинь просто проглотил её как таблетку кальция...

Проглотил как таблетку кальция... проглотил... проглотил...

— Ты спрашиваешь об этом из-за своей... болезни? — Хэ Цзинлинь, хотя и не знал о Водном Драконе, видел, как Цзян Фэн страдал от приступов. Обычно любые болезни, вызывающие удушье, нельзя просто успокоить, нажав рукой, но у него это получалось. Цзян Фэн сразу же спросил о его необычных способностях, и он понял, что это связано с болезнью.

Цзян Фэн, погружённый в уныние, казалось, даже не услышал вопроса. Через некоторое время он словно очнулся и с лёгкой неловкостью улыбнулся Хэ Цзинлиню.

— Господин Хэ, не беспокойтесь, моя... болезнь точно не заразна. Максимум, что может случиться — однажды вы вспомните обо мне и обнаружите, что я уже умер, харкая кровью.

Хэ Цзинлинь незаметно нахмурился. Поведение Цзян Фэна, который, несмотря на тяжёлую болезнь, старался казаться весёлым, вызывало у него неприятное чувство. Когда Цзян Фэн заговорил о смерти, он вдруг почувствовал острую боль в сердце.

Но мысли певца шли совсем в другом направлении: с древних времён говорили, что съев кусочек мяса Танского монаха, можно обрести бессмертие. Интересно, если спросить его сейчас: «Господин Хэ, не могли бы вы отрезать кусочек мяса, чтобы я попробовал?» — Нет, нет, даосская практика учит постигать суть, забывая о форме, поедание человеческого мяса явно не подходит. Нужно подумать... подумать...

Цзян Фэн уже почти решил, как ответить на предложение Хэ Цзинлиня о контракте. Жемчужина усмирения вод не изменила его решения, но сделала отношение к Хэ Цзинлиню ещё более сложным. В душе он яростно возмущался из-за того, что Жемчужину проглотили как таблетку кальция, но в итоге решил отпустить эту ситуацию и найти другой способ усмирить Водного Дракона.

Цзян Фэн собрался с мыслями, выпрямился и прямо посмотрел на Хэ Цзинлиня.

— Господин Хэ, я очень благодарен вам за предложение о контракте. Но за последние годы я не добился каких-либо успехов и не заслуживаю таких щедрых условий. Как насчёт того, чтобы я сначала подписал контракт с Имэй на год, и условия будут обычными для начинающего артиста, как испытательный срок? Если через год Имэй будет довольна моими результатами, мы сможем продлить контракт. Если вы беспокоитесь, можно добавить в контракт пункт, что если Имэй захочет продлить контракт, я не смогу уйти в одностороннем порядке...

— О? — Хэ Цзинлинь с интересом приподнял бровь. Обычно артисты жалуются, что условия контракта слишком низкие, но Цзян Фэн стал первым, кто считает их слишком высокими. Его предложение было неожиданным.

— И ещё, относительно пунктов, которых нет в контракте... — Цзян Фэн замолчал, слегка опустив взгляд из-за смущения, его голос стал тише.

— Я могу согласиться быть с вами... Но вам не нужно давать мне ничего — ни денег, ни таких возможностей, как этот контракт. Пусть это тоже будет испытательным сроком. Разве сейчас не принято сначала пожить вместе перед свадьбой? Если вы вложите в меня столько денег, а потом решите, что я не подхожу, это будет убыточная сделка...

Его голос становился всё тише. Хэ Цзинлинь спокойно выслушал, отвёл взгляд, прикрыл рот рукой и, подумав, тихо рассмеялся.

— Ты ещё не вошёл в мою семью, а уже думаешь, как сэкономить мне деньги?

— Ээ...

Эти слова заставили лицо Цзян Фэна мгновенно покраснеть. Он резко поднял голову и встретился взглядом с лицом Хэ Цзинлиня, наклонившимся к нему. Мужчина мягко поднял его подбородок и поцеловал в губы.

Это был страстный поцелуй, но движения мужчины были медленными и тщательными. Ловкий язык скользнул по зубам, проник в рот, медленно обвил его язык, преследуя, обвивая, дразня, словно тщательно проверяя что-то, принадлежащее ему.

Когда мужчина закончил проверку, он с удовлетворением отпустил Цзян Фэна, отодвинулся на дюйм и мягко провёл большим пальцем по его пылающей щеке.

— Проверил. Ты намного выше проходного балла, я ставлю 85...

Мысль о том, чтобы поиграть с Цзян Фэном, этим третьесортным певцом, появилась у Хэ Цзинлиня на 65% потому, что это был самый удобный способ контролировать человека.

Цзян Фэн, который смог найти песню «Чёрная дыра» как компромисс в споре о плагиате песни «Сияние», когда исход дела был уже предreshён, явно не был бесхитростным человеком. Напротив, он мог быть очень расчётливым. Если он решился на плагиат, кто знает, какие ещё

проблемы он может создать для семьи Хэ. Поэтому лучше держать его под своим присмотром, где его можно контролировать.

Как только Цзян Фэн станет частью его владений, всё станет намного проще. Он может в одно мгновение сделать из никому не известного певца звезду, а может и уничтожить популярного идола, всего лишь сказав пару слов.

Кто был продюсером первого альбома Чу Аньгэ, знает каждый в мире популярной музыки. Хэ Цзинлинь даже подозревал, что изначальной целью Цзян Фэна могло быть использование плагиата как способа приблизиться к семье Хэ. Однако, предложив контракт с Имэй, он получил совершенно неожиданный результат.

Возможно, оставшиеся 35% причины, которые он сам не мог объяснить, заставили Хэ Цзинлиня немного потерять контроль перед этим ребёнком, который был младше его на 14 лет. Очнувшись, он обнаружил, что вовлечён в наивную и смешную игру «пробного брака» с Цзян Фэном.

Изначально это была очень чистая и простая сделка по скрытым правилам — деньги за секс. Но теперь, из-за этого странного «пробного брака», всё приобрело оттенок романтики.

В ту ночь Хэ Цзинлинь вернулся в свой дом за городом и до глубокой ночи корил себя за редкую потерю самообладания, выпив целую бутылку Rémy Martin XO. В результате он напился, тело горело, голова пульсировала, и он ворочался в постели, думая только о певце. Казалось, стоило закрыть глаза, как перед ним возникал Цзян Фэн, прижатый к постели, с расстёгнутыми пуговицами, одежда раздвинута, обнажённая кожа под мягким светом лампы излучала нежный блеск, тонкая грудь вздымалась, дрожа от боли и холодного воздуха.

Стоило закрыть глаза, и он видел лицо Цзян Фэна, измазанное слезами, с чертами, полными юношеской хрупкости. Он видел его влажные красные глаза, длинные ресницы, на которых ещё блестели слёзы, а затем, словно в досаде, Цзян Фэн отворачивался, поднимал руку, чтобы прикрыть глаза, обнажая стройную шею.

<http://bllate.org/book/16452/1492401>